

Маленький квадратный будильник показывал четыре утра. Он стоял на светло-коричневом стуле возле старой панцирной кровати, устланной разноцветными матрасами, на них мирно посапывал пухлый десятилетний мальчуган. Из-за стены напротив доносилось слабое жужжание, оно было то прерывистым, то протяжным: так звучала привычка бриться по утрам. За окном прокричал соседский петух. Жужжание стихло. Шторки, которые служили дверью, раздвинулись, и в комнате возник большой

силуэт.

– Минь-ка, вставай! Чего спишь-то? – прогремел голос.

– М-м-м, – промычал мальчуган. – Почему так рано?

– А ты думал! Рыба ждать не будет. На рассвете же самый клёв.

Поедешь? – спросил Михаил Алексеевич и аккуратно потряс его за плечо, Минька зарылся ещё глубже в одеяло. – Ну, как знаешь! – произнёс он и вышел из комнаты. Довольный собой пухляш от мысли, что никуда ехать не придётся, перевернулся на другой бок, и стал снова засыпать.

– А-а-а-ах, – на резком вдохе разнеслось по всему дому, одновременно с заливистым хохотом. Минька сидел на кровати, с его волос струилась ледяная вода, стекая по лицу, она собиралась в капли: под носом, на щеках и подбородке. Рядом стоял Михаил Алексеевич с пустым эмалированным ковшом.

– ДЕ-ДА! – обиженно закричал мальчик.

– Что Деда, что Деда? На мокрой кровати теперь не поспишь! – с ликованием сказал Михаил Алексеевич. – Полотенце я повесил на спинку стула. Давай, вытирайся да иди завтракать!

– Не хочу! – начал капризничать Минька.

– Давай, давай! Скоренько, скоренько.

С Дедом спорить было бесполезно. Минька сполз с кровати и принялся тереть волосы. Через пару минут они уже сидели за столом.

– Баушка, собирай на стол! – скомандовал Михаил Алексеевич. Сколько себя помнил Минька, Дед всегда звал Бабушку «Баушка». По одному этому слову было понятно насколько сильно он её любит. Дед приносил его по-особенному с придыханием и нежностью в голосе.

– Сейчас мои родные, сейчас! – засутилась бабушка. – У меня уже всё готово! – На столе появились две тарелки пшённой каши, бутерброды с маслом и горячие пирожки с картошкой. – Кушайте, кушайте. Что не доедите, я вам в пакетик сложу, с собой возьмёте.

– Мы что кишку набивать едем или рыбу ловить?! – гаркнул Михаил Алексеевич.

– Будет тебе, Мишенька!.. Вы же на целый день, как голодными-то? Внучика пожалей, – запричитала бабушка. – Я немного: пирожков и термосочек с чаем сладеньким, а каша для прикормки сгодится.

– Ладно! – согласился дед, вставая из-за стола. – Минька, доедай быстрее, бери пакет с харчами, да иди воротá в гараже отвориай, засиделись уже! – сказал он, надевая ботинки. И уже на выходе добавил: – Котелки и сачок не забудь!

Минька набил полный рот и с раздутыми щеками, жуя на ходу, стал собираться. Бабушка покачала головой. «Совсем замордовал маль-

чонку! Не торопись: подавишься!» – заботливо произнесла бабушка, пытаясь надеть старую кепку на голову внука. Минька стал отмахиваться: он совсем не любил носить головные уборы.

– Чтобы голову не напекло! – попыталась вразумить его Бабушка. Внук продолжил вредничать. – Ну, хорошо. Тогда в пакет положу: если что, наденешь.

Минька, не переставая жевать, издал в ответ возмущённо-невнятные звуки, схватил пакет с едой, два котелка, сачок и выбежал из дома. Бабушка перекрестила закрывшуюся за Минькой дверь и наконец-то присела.

2

Ворота распахнулись, и из глубины тёмного гаража на свет выкатилась старенькая «Нива» цвета крем-брюле. Машина была настолько допотопной, что на ней то тут, то там виднелись рыжики, да и краска местами потрескалась, казалось, ещё чуть-чуть, и она начнёт облазить лафтами. Минька запер гараж, забросил вещи в багажник и устроился поудобнее на переднем пассажирском сиденье. «Нива», заскрипев, плавно тронулась с места.

– Ну, что? Вперёд к приключениям? – хитро улыбнулся Михаил Алексеевич.

– Ага! – обрадовался мальчуган.

– Только сначала на заправку заедем, чтобы обратно толкать не пришлось! – предложил Дед.

Спустя несколько минут они подъехали к местной заправке. Она сильно отличалась от тех, что привык видеть Минька в городе: две серых обшарпанных колонки; никакого табло с ценами; и небольшой деревянный домик с обветшалой дверью и окном «Касса».

Машина остановилась напротив металлического ящика с красными пятнами. «Должно быть, – остатки номера», – подумал Минька. Михаил Алексеевич вышел, вставил пистолет в бак и направился к домику. Внук остался внутри, наблюдая за происходящим через лобовое стекло. Дед постучал в окно, потом в дверь – никто не отвечал. Михаил Алексеевич попробовал ещё раз – ничего не изменилось! Он огорчённо покачал головой и направился обратно к машине. Вдруг из дверей показался заспанный мужичок: видимо, тот не привык так рано обслуживать клиентов. Они немного поговорили, Михаил Алексеевич махнул в сторону засони рукой – и уехал.

– Деда, а почему мы не заправились?

– Да совсем совесть потеряли! Литр – сорок пять рублей! Как буд-

то у меня пенсия резиновая! Сейчас на трассу выйдем, там за тридцать купим. Жаль, столько времени потеряли, потом ещё возвращаться придётся. Река-то в другой стороне осталась!

Дед продолжал ворчать: «Вот раньше было лучше! Ишь, капиталисты! Половину сверху накрутил. Да, раньше бы... его за такое... тьфу!» Минька не знал, как и что было раньше, и кто такие капиталисты, поэтому перешёл на более понятные ему темы.

– Деда, а почему ты себе новую машину не купишь?

– Какую, например? – с интересом спросил Михаил Алексеевич.

– Иномарку, – ответил Минька.

– Да на кой она мне? Ни по грибы, ни по ягоды, ни на рыбалку.

Вот то ли дело у меня – вездеход: включил пониженную и в любую горку заедешь!

– Тут даже магнитофона нет! – продолжал настаивать мальчик.

– А мне зачем? – не унимался Дед. И в подтверждение своих слов затыкнул:

*Чёрный ворон,
Что ж ты вьёшься
Над моею головой.
Ты добычи не дождёшься,
Чёрный ворон, я не твой.*

После чего добавил: «Нет, мне ваши иномарки и даром не надь! Давай, подпевай!».

*Чёрный ворон,
Что ж ты вьёшься...*

Так до трассы и добрались.

3

Заправив полный бак, заметно повеселевший Михаил Алексеевич сообщил: «Ну вот другое дело. Кстати, батьке скажи, пусть двигатель новый в городе посмотрит, зиму этот ещё сдюжит, а вот летом его, по-хорошему, менять надо. Ладно, сейчас на протоку поедем, амóлек ловить!»

«Амóлками» он называл мальков. Дело в том, что Дед любил рыбачить исключительно на живца. Червяков, опарышей, хлеб и всё остальное Дед не признавал совсем.

Минька чётко запомнил все его уроки: «Видишь, течение сильное, и тут же заводь – тихое место, здесь рыба и отдыхает. Берёшь амóлку,

крючок в рот, через жабры и в воду, потихоньку, чтобы не распугать. Потом сиди тихо и жди, а увидел поплавок на дно пошёл – тащи!»

Оказавшись на протоке, Михаил Алексеевич надел болотники и позвал внука:

– Минька-а-а!

– Что? – отозвался мальчик

– Вылазь! Помогать будешь!

– Как? – удивился Минька. – У меня же нет таких сапог как у тебя!

– Так у тебя же свои пыле-влагонепроницаемые! – засмеялся Дед.

Минька не понял, что имел в виду Дедушка, и переспросил:

– Пыле-влаго что?

– Что-что! Ноги! – пуше прежнего рассмеялся Михаил Алексеевич.

– ДЕ-ДА! Вода ведь холодная! – насупился Минька.

– Как купаться так не холодная! Ботинки сымай! Штаны закатавай. Снизу пойдёшь, будешь амóлек на меня гнать. А я их сверху встречу. Котелки сразу возьми, – наказал Михаил Алексеевич и стал удаляться к месту засады.

Делать было нечего. Минька разулся, зашёл в воду и стал дожидаться команды от Деда.

– Готов? – донеслось из засады.

– Да! – прозвучало в ответ.

– Ну, тогда гони!

Минька побежал вперёд со всех ног, вздымая волны, пену, брызги, брэнча котелками, оставляя позади только муть. Как тут не испугаться?

Рукоятка изогнулась в дугу, сачок завис в воздухе, внутри живой массой бились мальки. Михаил Алексеевич одним движением вывернул их в котелок.

– Ещё разок, и хватит, – сказал он Миньке.

Когда и второй котелок оказался полным, Дед нарвал пырей, свернул в кольца и накрыл ими оба котелка, чтобы вода не расплёскивалась. Только это не очень-то и помогало.

– Ну, что? Теперь-то проснулся? – ехидно спросил Дедушка, а потом добавил: – Где Баушка пакет давала? Найди-ка мне там пирожок побольше! Давай почаюем, и дальше двинемся...

– Приехали! – сказал Михаил Алексеевич, остановившись возле крутого обрыва. Минька вышел из машины и, хлюпая ботиками, так как вода из котелков, несмотря на траву, что лежала сверху, всё равно распле-

скалась, подошёл к самому краю.

– Что, прям здесь рыбачить будем? – спросил он у Деда.

– Вон туда нам надо, – сказал Михаил Алексеевич, указывая на повалившиеся деревья на другом берегу. – Дальше не проехать, поднимемся вверх по течению, а там вброд перейдём. Давай, бери удочку, котелок, пакет под рыбу и сачок.

– А сачок зачем? – спросил Минька.

– На всякий случай! Там ещё в бардачке леска и запасные крючки с грузилами в коробочке, их тоже возьми. Чтобы не как прошлый раз, а то ты же обязательно где-нибудь за корягу зацепишься. – Минька виновато опустил взгляд, и сделал, как сказал Дед. – Ну что, готов?

– Мыхгы, – ответил Минька.

Дедушка взял похожий набор, только без запасных крючков и сачка, запер машину, и они вместе с внуком стали пробираться сквозь бурелом вдоль берега. Михаил Алексеевич шёл впереди, прокладывая дорогу своим могучим телом: большие старые сучья громко трещали под его натиском, а молодые веточки изгибались и, словно в отместку, хлестали еле плетущегося сзади Миньку по лицу. Шли долго, пока наконец-то не набрали на покатый каменистый берег, спустились к воде.

– Бросай всё! Привал! – скомандовал Михаил Алексеевич. Минька с удовольствием уселся на гальку, вытянул ноги и положил вещи перед собой. Дед примостился рядом. Посидев минут пять, Михаил Алексеевич встал, сделал пару шагов вперёд и подбоченился. Лицо его стало хмурым и озадаченным.

– Никак не пойму, вроде, вода прибыла, да и течение сильное. Давеча здесь реку переходил. – Дед оглянулся, Минька пожал плечами в ответ. – Пойду, проверю. А ты здесь сиди... в воду не суйся... что бы ни случилось. Понял? – голос Деда стал тяжёлым и убедительным.

– Ага! – ответил Минька.

Михаил Алексеевич начал медленно переходить реку: на середине пути воды было по пояс, но буквально через пару метров её уровень спустился по колено. Дед благополучно добрался до противоположного берега. После чего вернулся и сказал: «Значит так, ты здесь не перейдёшь!» Минька надулся, как мышь на крупу. На глазах проступили слёзы.

– Чего раскис-то? Бери котелки с амольками и всё остальное, да на шею мне садись, я тебя перетащу. Обрадованный внук быстро вскочил на ноги и схватил вещи. – Ишь, какой прыткий. Давай, залазь уже, – сказал Михаил Алексеевич и присел на корточки. Минька еле-еле взгромоздился на шею Деда.

– Ну ты и кабан! – встав и чуть пошатнувшись, произнёс Михаил

Алексеевич, одновременно с этим схватив внука за ноги, покрепче.

– ДЕ-ДА, ну какой я тебе кабан! – обиженно выдал Минька.

– Здоровый! – рассмеялся Михаил Алексеевич и, тяжело ступая, зашёл в воду. Миньку охватило странное чувство: ему было радостно и страшно одновременно. Радовался он тому, что Дедушка нёс его на шее, последний раз ему так везло лет в пять, но и страх у Миньки усиливался. От реки веяло жутким холодом, казалось, что она во что бы то ни стало пытается помешать перейти вброд, жадно цепляясь течением за ноги Деда. Ближе к середине Михаил Алексеевич остановился, его дыхание было тяжёлым и прерывистым. Минька почувствовал, как их сносит.

– Деда, у тебя всё в порядке? – спросил испуганно Минька.

– Да, запыхался немного. Сейчас отдышусь... чуть-чуть осталось... Ты лучше... котелки подними.

Минька согнул руки в локтях так, что все вещи оказались выше головы Деда. Михаил Алексеевич сделал ещё несколько шагов вперёд.

Мальчуган вздрогнул... Река добралась и до него, маленькое тельце задрожало. До этого он смотрел только вперёд, но сейчас... Опустив взгляд, он увидел, что Дед стоит по грудь в воде... Минька начал елозить на шее, пытаясь забраться повыше, и не заметил, как опустил вещи в воду. Река сразу почувствовала его слабость и в тот же миг заполнила до верхов полупустые котелки, разметав весь пырей по поверхности, и все мальки, что находились внутри, разбежались в разные стороны.

«Дело плохо!» – подумал Михаил Алексеевич. Он быстро перехватился одной рукой выше, намотав одежду внука на свой огромный кулак, развернулся навстречу течению и изо всех сил пошёл вперёд, пытаясь вернуться на мелководье. Река продолжала давить. Минька зажмурился от страха и боли в груди...

...

– Ну, ты Минька даёшь! Чуть нас не утопил, – с одышкой произнёс Михаил Алексеевич. – Слазь, приехали! – добавил он, опускаясь на корточки. Напуганный Минька начал реветь.

– Чего нюни развесил-то? Одежду скидавай, отжать надо! Да пойдём рыбу ловить.

– У нас, х-х, амóлек, х-х, нет, – всхлипывая, сказал внук. Дед неодобрительно покачал головой.

– Эх, Минька, Минька. А сачок нам на что? Трудности в жизни для того и даны, чтобы их преодолевать. Давай успокаивайся, некогда нам, и так долго провошкались. И ещё: вернёмся домой, Бабушке ни слова. Не хочу, чтобы она лишний раз волновалась...

ЖИРАФИК

Рассказ

Суббота. Декабрь. За окном рано стемнело. Таймер на духовке показал «двадцать два сорок пять». Измождённый Роман сидел за кухонным столом, его лицо освещал голубоватый свет от монитора ноутбука. Он резво переключался между окнами с игрой и разнообразными таблицами, создавая видимость сильной занятости. Небрежно разбросанные бумаги и прозрачная кружка, заполненная наполовину чаем с молоком, почти всегда находилась под рукой, чтобы в случае чего превратиться в удобный предлог не купать детей перед сном. «Пусть лучше жена занимается!» – думал он про себя.

Из детской раздался визг. Видимо, дети опять что-то не поделили. «Сколько раз я тебе говорил укладывать детей в десять?» – раздражённо рывкнул он жене, не соизволив даже встать со стула и посмотреть, в чём же всё-таки дело. Жена была из того же теста, не отрываясь от пролистывания ленты в инстаграме, практически сразу парировала.

– Разве ты не видишь, что я занята! – донеслось из спальни.

– Чем?! – ещё с большим раздражением переспросил муж.

– Встань и посмотри! – ответила Наталья. Она прекрасно знала, что муж ни в жизнь этого не сделает, поэтому ощущала себя хозяйкой ситуации.

Тем временем, пока они перепирались, даже не смотря друг на друга, визг сменился на истошный плач. Роман и Наталья прекратили ругаться и заняли выжидательную позицию: у кого первого сдадут нервы. Да, мужчины менее терпеливы! Но материнский инстинкт творит чудеса. Роман увидел, как жена стремительно вбежала в детскую и так же быстро, под мышкой, вынесла из гущи событий краснючего младшего. «Это предел», – промелькнуло в голове Романа. Будучи человеком далеко не глупым он понял, чем всё может закончиться, и быстро переключился на дочь.

– Татьяна! Зубы чистить, умываться и спать! – скомандовал Роман. Из комнаты вышла растерянная девочка. И принялась шнырять туда-сюда. Заглянула в ванную, в туалет, в зал, наконец, зашла на кухню, заглянула за приоткрытую дверь.

– Так! Чем ты занимаешься?! Я что сказал тебе делать?! – раздражение в голосе Романа переходило в злость.

– Я ищу жирафика! Ты не видел его?

– Ничего я не видел! Иди, ложись спать! – продолжал гнуть свою линию горе-отец.

– Пап, я думаю, ты мне врѣшь! – ответила дочка. Внезапное обвинение во лжи заставило Романа задуматься. Почему она так сказала? В голове заметались воспоминания событий сегодняшнего дня в надежде наткнуться на что-нибудь, что позволило бы оправдаться в глазах дочери.

В обед. Да, это было в обед. Роман держал маленькую, резиновую фигурку жирафика. Гнул его ноги... шею... игрался, как мог, а когда надоело, швырнул его, не запомнив куда. Признать, что дочка права, ему не хотелось, да и искать желания особо не было. Поэтому он предпочёл стоять на своём.

– Иди спать! Я кому сказал!

На глазах у Тани проступили слѣзы. Голос задрожал. С боязнью, что отец рассердится ещё больше, она еле слышно произнесла:

– Просто я не могу уснуть без него.

Деваться было некуда: грузное тело, наконец, покинуло насиженное место и направилось в зал. Роман заглянул под диван, за шторку, посмотрел под гладильной доской, скорее напоминавшей огромную гору, так как белья на ней было больше, чем в шкафу. Ничего... Быстро устав от физической нагрузки, со словами «всѣ, перекур!» Роман бухнулся в кресло, но почти сразу вскочил. Пропажа была найдена! Наощупь! Впилась в самое мягкое место...

– Вот! Держи! – произнёс Роман и довольный собой протянул пятнистую фигурку.

– Пап, но это не тот жирафик!

Отец не выдержал и взорвался.

– ЧТО ЗНАЧИТ НЕ ТОТ? ГОВОРИЛА, ТЕБЕ НУЖЕН ЖИРАФИК! ВОТ ОН! В ЧѐМ ДЕЛО? ХВАТИТ ТРЕПАТЬ МНЕ НЕРВЫ! А НУ БЫСТРО МАРШ СПАТЬ! И ЧТОБЫ Я ТЕБЯ НЕ ВИДЕЛ! ТЫ ВСѐ ПОНЯЛА?! – Таня заплакала.

– Я же боюсь... темноты.

Наконец всё встало на свои места. Роман вспомнил: днём он забрал жёлтый светильник в виде жирафа у детей и убрал его в шкаф, на самый верх. А всё потому, что ему было лень прикрутить один малюсенький шуруп в крышку отсека под батарейки. Злость как рукой сняло. Он молча прошёл в детскую и достал с верхней полки ночник. Таня схватила его и, крепко прижав к себе, буквально через несколько секунд оказалась в кровати.

– Спасибо, Пап. Я тебя люблю! – неожиданно сказала дочка. Роман погасил свет, пряча свои стыдливые глаза... и виновато произнёс:

– Спокойной ночи. Я тоже тебя люблю...